

ШОУ БЕЗЛИКИХ
ШОУ НЕПОКОРНЫХ

ШОУ НЕПОКОРНЫХ

ХЕЙЛИ БАРКЕР

Freedom

Москва

2018

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44
Б25

Hayley Barker
SHOW STEALER

Text © Hayley Barker, 2018

Cover illustration ©Paola Escobar, 2018
Cover reproduced by permission of Scholastic Ltd

Баркер, Хейли.
Б25 Шоу непокорных / Хейли Баркер ; [пер. с англ. А. В. Бушуева, Т. С. Бушуевой]. — Москва : Эксмо, 2018. — 480 с. — (Young Adult. Адский цирк).

ISBN 978-5-04-098812-9

После падения цирка прошел год. Но благодаря таинственному спонсору самое смертельное шоу на земле возродилось и с радостью открывает свои двери для кровожадных зрителей: новые шатры, новые артисты, новые смертоносные аттракционы и новые жертвы.

Теперь Бен и Хошико должны противостоять старому врагу самостоятельно: она — в гнилом сердце трущоб, он — в кровавом чреве цирка. Смогут ли они пережить разлуку и встретиться вновь? Или беспощадный инспектор манежа уничтожит непокорного Чистого, которому лично предстоит познать все ужасы цирковой жизни?

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

© Бушуев А., Бушуева Т.,
перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-098812-9

Посвящается моим родителям

ХОШИКО

Я не уверена, что меня разбудило — то ли шум уличного движения снаружи, что стал громче к часу пик, то ли солнечные лучи, которые пробиваются сквозь щели жалюзи, но этим утром я проснулась первой. Мои товарищи безмятежно спят рядом. Им не мешает ни яркий свет, ни концерт автомобильных клаксонов и моторов.

Я потягиваюсь, наслаждаясь непривычным чувством покоя. Такой безмятежности я не испытывала с тех пор, как... Очень давно. Жизнь в цирке не была спокойной — смерть всегда пряталась где-то рядом, с мерзкой ухмылкой каждую ночь похищая людей. А после того как я, швырнув гранату, разнесла вдребезги арену и оставила мокрое место от злобного инспектора манежа Сильвио Сабатини, спокойствия в моей жизни не было вообще.

Прошел почти год, а мы все еще в Лондоне. Хотя поначалу так надеялись сбежать отсюда! Мы рассчитывали отдохнуть какое-то время, набраться здоровья и сил, а затем отправиться прямо в один из портов Эссекса или Кента, чтобы сесть там на корабль и вырваться на свободу — подальше отсюда.

Увы, нашим надеждам не суждено было сбыться. Куда бы мы ни направлялись, нас повсюду встречали подозрительные взгляды. Мы всегда были лишь на шаг впереди свистков полицейских, воя сирен и топота ног преследователей. Каждый раз, когда мы пытались вырваться за пределы города, путь перекрывали дорожные блокпосты.

То, что за нами охотится вся страна, означает вечное бегство. Постоянно оглядываясь через плечо, не имея возможности передохнуть, никогда не останавливаясь, на каждом шагу ощущая затылком дыхание преследователей.

Сколько раз нам казалось, что наступил конец! Сколько раз мы едва ускользали от погони! Практически каждое здание пестрит нашими фотографиями, и любому, кто сможет предоставить информацию о нас, обещана огромная награда. Очень трудно скрыться, когда ты настолько знаменит, а вместе с тобой в бегах находится цирковая обезьянка.

Уже четвертую ночь подряд мы ночуем в этом пустующем офисе на верхнем этаже жилого дома. По словам Джека, однажды утром все сотрудники пришли на работу и узнали, что их компания обанкротилась, что они потеряли работу и могут вернуться домой.

Не знаю, откуда ему это известно, но Джеку всегда удается найти для нас новое безопасное пристанище. Более двадцати лет он был Чистым полицейским, а потом сбросил с себя личину притворщика и вывез нас из цирка прямо из-под носа Вивьен Бейнс. В ту ночь он спас меня, Бена и Грету от смерти,

только благодаря ему мы до сих пор живы. У него повсюду связи, он постоянно с нами — впрочем, все равно уйти далеко не удалось. По большому счету мы вообще не сдвинулись с места.

Я осматриваю огромную комнату. Помнится, мне стало слегка не по себе, когда мы в первый раз оказались здесь и в тусклом свете фонарика Джека узрели все эти брошенные пустые столы, чашки, из которых как будто кто-то только что пил, фотографии в рамках, с которых нам улыбались Чистые и их дети. Если бы не затхлый запах и засохшие растения, можно было подумать, что люди покинули свои рабочие места только вчера. Время как будто застыло, и огромное пространство затаив дыхание ждало, когда служащие снова вернутся сюда.

Сейчас оно не кажется мне жутким. Больше напоминает доброго друга, который дал нам убежище, защитил нас, не требуя ничего взамен.

Каждое утро Джек говорит, что мы должны собрать вещи и уйти, что нельзя слишком долго задерживаться на одном месте, мол, это слишком рискованно. Он становится нервным и взвинченным. Бросив взгляд в другой угол комнаты, я вижу, как он шевелится во сне, и мое сердце замирает в тревоге. Как только Джек проснется, он заставит нас подняться и двигаться дальше.

Я не понимаю, почему мы не можем остаться здесь, где никого нет. Тихонько сидеть в одном месте куда надежнее и безопаснее, чем высовывать нос на улицу, где нас в два счета могут заметить. Разве не так? Друзья Джека из Сопротивления могут и

дальше приносить нам еду, и раз нам некуда больше идти, мы можем прятаться здесь сколько угодно, хоть целую вечность.

Я предложу это остальным, когда они проснутся. Уверена, Бен и Грета меня поддержат.

У меня болит спина, кожа на щеках саднит после сна на колючем ковре. Я пытаюсь пошевелить затекшими за ночь пальцами ног.

Ноги не болят так, как раньше. Потребовалось время, но я наконец поправилась, по крайней мере снаружи. Бен тоже — его пулевое ранение благополучно зажило, шрам сразу и не заметишь, если, конечно, не приглядываться. Даже душевные раны, зияющие дыры, которые остались после смерти Амины и Прии и которые никогда не заживут, стали восприниматься чуть легче. Конечно, боль никуда не денется, да я бы этого и не хотела. В конце концов, обе погибли из-за нас, но теперь мы можем говорить о них, не срываясь на рыдания.

Во рту пересохло, нужно срочно промочить горло. Я как можно тише выбираюсь из вороха грязных одеял и стараюсь принять сидячее положение. Рядом Бен поворачивает голову и тянется рукой к моим ногам, но он все еще спит: глаза закрыты, а дыхание глубокое и размеренное.

Когда я смотрю на него, у меня перехватывает дыхание. Его щеки заросли щетиной, и днем он похож на настоящего мужчину. Но во сне его милое лицо выглядит как в то утро в цирке, когда я увидела его спящим под моей кроватью и изо всех сил попыталась возненавидеть.

«Вода подождет», — думаю я, укладываясь обратно в постель. Бен сонно обнимает меня, и я прижимаюсь к его телу, стараясь дышать в унисон.

На несколько мгновений мною завладевает радость. Не танцующая, порхающая, восторженная, а спокойное чувство. Глубокое и тихое. Безмятежное блаженство. Мы в бегах, мы не знаем, что с нами будет дальше, но мы живы, мы вместе, и это самое главное. Сейчас это наш дом, каким бы он ни был.

Внезапно раздается выстрел. За ним воздух сотрясает треск дерева и топот множества ног, бегущих вверх по лестнице. Мы мгновенно вскакиваем. Наши испуганные взгляды встречаются.

— Что происходит? — спрашивает Грета, прижимая к себе Боджо. Каждую ночь она укладывает его рядом с собой, на свою подушку, хотя мы все говорим ей, что негигиенично делить постель с обезьяной. Его маленькие лапки крепко обнимают ее худые руки. Он беспокойно озирается по сторонам, напуганный внезапным шумом.

Джек уже вскочил на ноги.

— Что происходит? — повторяет он вопрос Греты, и его лицо мрачнеет. — Они здесь, вот что. Они нас нашли.

БЕН

Чтобы прийти в себя и понять, что происходит, мне потребовалось некоторое время. Даже когда Джек сказал: «Они здесь», смысл его слов не сразу

достиг моего сознания. Сам не знаю, почему это так шокировало меня — ведь подобной облавы мы ждали почти год. Ждали этого дня, когда они наконец догонят нас.

Мы пытались бежать из города десятки раз. Десятки раз мы были вынуждены возвращаться, наткнувшись на блокпост или полицейское заграждение. Десятки раз нам приходилось убегать и прятаться. Десятки раз считанные секунды отделяли нас от заключения.

Не знаю, финансирует ли моя мать эти облавы самостоятельно или расходует государственные средства, в любом случае деньги на них выделены щедрые. Наши лица смотрят с каждого уличного столба, с каждой магазинной витрины, со стен каждого небоскреба.

Мы надеялись, что желание поймать нас постепенно сойдет на нет, но, похоже, дела обстоят с точностью до наоборот.

Несколько недель назад, проснувшись, мы увидели, что наши лица украшают огромное здание Правительственного центра. Колоссальная статуя улыбающегося золотого человека, — символ верховной власти Чистых, расы господ, хозяев жизни, гордо взирающих свысока на копошащихся внизу бедных, угнетенных Отбросов, которых он попирает своими стопами, — теперь превратилась в гигантский рекламный щит в самом центре Лондона. На нем сияет огромный плакат с заголовком «Разыскиваются» и изображениями самых страшных злодеев Англии. Днем и ночью наши хмурые лица с огром-

ной высоты смотрят на город. Хоши, Грета, Джек, я — даже Боджо удостоился отдельного снимка.

Сумма вознаграждения за наши головы постоянно растет. Вот почему Джек говорит, что мы нигде не можем чувствовать себя в безопасности.

— У большинства людей есть цена, даже у хороших парней. После того что случилось с цирком, полиция не прекратит поиски, не говоря уже о том, что с нами сын одного из самых высокопоставленных лиц страны. В конце концов, нас поймают. Иначе и быть не может.

И вот теперь они пришли за нами, они здесь, в этом здании, поднимаются по главной лестнице. Мы слышим, как они направляются прямо к нам. Ноги, множество ног.

Мои товарищи пришли в себя быстрее и дружно бросились наутек к пожарному выходу. Когда они добегают до дверей, Хоши оборачивается.

— Быстрее! — цедит она сквозь зубы, подгоняя меня. — Быстрее, Бен, нужно срочно уходить отсюда!

Только тогда я стряхиваю оцепенение и, схватив пистолет, бросаюсь вслед за ними.

Топот ног раздается еще ближе. Я слышу громкий голос, отдающий распоряжения. Они даже не пытаются скрыть свое присутствие. Почему?

Потому, что они уже окружили вас, говорит голос в моей голове.

Выбегая в дверь пожарного выхода, я встречаюсь взглядом с Джеком. Его губы поджаты, и я понимаю, что он думает так же.

Мы устремляемся вниз по лестнице, Джек, Хоши и я; у каждого в руке пистолет. Грета впереди внезапно останавливается и испуганно смотрит на нас.

Они бегут нам навстречу снизу. Их много, несколько десятков человек. Мы быстро двигаемся обратно, но наверху их оказывается еще больше. Вскинув полицейские щиты, со всех сторон нацелив на нас оружие, они толпой врываются в дверной проем.

Вот и все. Это конец.

Нам крышка.

ХОШИКО

— Стоять! — рычит властный голос, и какой-то полицейский делает шаг нам навстречу. — Бросайте оружие. Вам отсюда не выбраться. Вы полностью окружены.

Вооруженные фигуры в полицейской форме блокируют нам путь наверх, путь вниз тоже перекрыт. Я смотрю в окно и вижу десятки полицейских машин, озаренных светом фар.

Что же нам теперь делать? Я смотрю на Джека, в надежде найти в его взгляде ответ. С тех пор как парень бесстрашно вызволил нас из цирка, он всегда находил выход, всегда делал невозможное.

Я пытаюсь перехватить его взгляд, но он не поднимает глаз. Видно, что Джек подавлен. Раньше с ним такого ни разу не случалось, никогда, даже в самых мрачных ситуациях.

За последний год у нас бывали дни, когда Грета, зарывшись лицом в ладони, плакала навзрыд. Дни, когда Бен в отчаянии без сил валился на пол. Дни, когда я была настолько подавлена, что могла молчать часами. У каждого из нас были свои темные мгновения, но только не у Джека. Что бы ни случилось, его глаза продолжали светиться оптимизмом и надеждой. Он никогда не унывает и никогда не сдается.

По крайней мере, так было до этой минуты.

Я вижу, как он опускает пистолет, медленно кладет его на пол и поднимает руки. Он сдается. Надежда тотчас покидает мое сердце.

Но разве он может сейчас поступить иначе? Нам конец.

Скорее всего, нас убьют. Меня уж точно, Грету и Джека тоже. Джек для них предатель, а мы с Гретой — еще хуже. Мы — поджигательницы-Отбросы, похитительницы-Отбросы, дьяволы-Отбросы, если верить уличным плакатам и сообщениям в СМИ. Боджо с испуганным видом скачет вверх и вниз, глядя, как нас окружают полицейские. Грета цепляется за меня. Ее хватка настолько сильна, что мне становится трудно дышать.

Чтобы успокоить ее, я нежно провожу рукой по ее волосам.

Затем поворачиваюсь к Бену. Наверное, это последний раз, когда я вижу его. Нужно запомнить каждую деталь его лица. Я должна запечатлеть его в моем сознании, чтобы не потерять его образ так, как потеряла других — родителей, младшего брата. Даже образ Амины почти растворился в моей па-